

Леонид Бахнов

Давай сосчитаем!

Моей бабушке, Вере Георгиевне Морозовой

Он

Дырочки. Она говорит: «Давай сосчитаем!» И мы начинаем считать. Сначала я. Но после шести путаюсь. Их больше. Это я знаю. Но дальше забываю. «Семь», — говорит она. «Семь», — повторяю. «А дальше?» — «Девять», — говорю тут же. Хотя, пока говорю, понимаю, что надо сказать другое. Но уже сказал. А она меня поправляет. И говорит, чтобы я повторил. Я повторяю: «Восемь». И она говорит: «Правильно».

Но я все равно не помню, как дальше говорить. Говорю: «Двенадцать». Потому что вспомнил, что на этом слове мы остановились в последний раз.

Это раньше так было. А сейчас я правильно посчитал — от одного до двенадцати. И ни разу не сбился. Я уже ее спрашивал: зачем они у нас на столе. Стол, я знаю, самодельный, сделан из досок, все доски без дырочек, а одна с дырочками. Но забыл, что она мне сказала. Потому что куница. Я никогда не видел куницу, только слышал, как она мне про нее читает из книги. А куница притаилась под деревом. И смотрела на меня большими мохнатыми глазами. Я никогда не видел куницу и не знал, как себя с ней вести. А тут еще появились обезьяны с волками, и мне стало страшно. И я закричал. Но она меня не услышала и сказала, что пришел доктор.

Он и раньше приходил, старенький такой, с растрепанным лицом и бородкой, от него старым запахом пахло, как будто он из кладовки пришел. Попросил, чтобы ему принесли чайную ложечку и сказал, чтобы я раскрыл рот. Он уже так делал. И просил, чтобы я поднял голову, смотрел на потолок и говорил: «А-а-а». Потом открыл чемоданчик, достал такую круглую, вставил шланги в уши и стал слушать. Эта круглая была сначала холодная, а потом ничего. И говорил: «Вдохни», потом: «Выдохни», потом снова: «Вдохни». Много раз, пока у него шланг из уха не выпал. Тогда стал ей что-то говорить. И она что-то говорила.

Я слышал: «температура», «в больницу», «может заразиться», и еще какое-то слово про коня, его говорил сначала он, потом она. «Конь сильный». Хорошо, когда конь сильный. Но это неправильно так говорить, потому что надо сначала говорить «сильный», а потом «конь». А они говорят «конь», а потом «сильный».

Кони у нас по улице зимой ездят. С саними. А летом с повозками. Сильные кони. И трамвай ездит. Она говорит, что трамвай сильнее коня. И правильно: трамвай быстрее ездит. А на остановке остановился, и конь его обогнал. Вот!

Еще слово «скарлатина», я его уже слышал. Липкое такое. Как лента, на которую мух ловят. Она с доктором говорят, что скарлатина гуляет по городу. Гуляет-гуляет, а потом раз — и прилипла.

Она мне объясняет: доктор не знает, скарлатина у тебя или нет. Со скарлатиной тебя надо в больницу, там тебя будут лечить. Положат в палату вместе с другими детьми...

Я не знаю, что такое палата. Спрошу как-нибудь потом. Но сразу запахло противными лекарствами. И больными детьми — лежат на кроватях с закрытыми глазами и думают, вылечат их или нет.

— Но мы не знаем, болен ты скарлатиной или нет, — продолжает она. — Если это не скарлатина, то ты можешь ей заразиться и заболеешь. Помнишь, вчера приходила тетя, тоже врач? Она думает, что у тебя скарлатина. А Пал Семеныч сомневается. Поэтому нужен конь...

— А мы на нем поедем?

— На ком?

— Ну, на коне?

Она смотрит на Пал Семеныча, Пал Семеныч смотрит на нее.

— Нет, мы поедем на машине. Но ее надо подождать. Пал Семеныч обо всем уже договорился.

На машине. Я давно не ездил на машине. Машина есть у дяди Жени. Вот он приедет, и я убегу на его машине от куницы, волков и обезьян. И никто меня не догонит, потому что машина даже быстрее трамвая!

А конь тоже есть. Вон он пасется, позади обезьян. Он их не боится. И волков не боится, потому что он от них убежит. А глаз у него коричневый, добрый. Зачем ждать машину? Лучше я вскочу на него и понесусь. Быстро-быстро! И деревья уже замелькали.

— Давай-ка смерим температуру, — говорит она и сует мне под мышку градусник.

Доктора уже нет, а машина еще не пришла. Она смотрит на часы. За стенкой кашляет ее мама. Она хорошая, я знаю, но иногда я на нее обижаюсь из-за того, что она ругает свою дочь. Вот и пусть будет тут одна, пусть кашляет и ругается.

Она вынимает градусник, смотрит и качает головой.

— Когда машина приедет? — спрашиваю.

— Скоро уже, — говорит она и начинает ходить по комнате.

Мне то холодно, то жарко. Сейчас жарко. Хочу сбросить одеяло. Она сердится. Укрывает меня, а я снова раскрываюсь.

— Сейчас Камил придет! — грозитя. — Знаешь, как он наказывает таких детей?

Знаю. Он приезжает на мотоцикле, проверяет электричество и как дети себя ведут. Если плохо, то с ними у него разговор короткий. Так она говорит. У меня с ним короткого разговора не было, но я даже не стал спрашивать, что это такое. Понятно, что ничего хорошего. Потому что его мотоцикл гремит на всю улицу, и верхняя губа у него как будто надвое рассечена. Страшно.

Но это и хорошо, что мотоцикл слышно издали. Можно подготовиться и начать вести себя хорошо. Но если раньше ты вел себя плохо, ему расскажут.

И тогда он поймет, что сейчас ты ведешь себя хорошо понарошку. И тут уже никакой конь не поможет, потому что мотоцикл быстрее коня.

Но мотоцикл у Камила вдруг раз — и сломался. А меня уже конь ждет у крыльца, бьет копытами. Но я еще маленький, слабый от скарлатины, и мне на него не взобраться. И тогда я залезаю на стол, открываю окно и бух! — прямо на спину коня. И конь мчит, мчит, уносит меня от Камила. Мы даже трамвай обгоняем! А конь почему-то ржет, и я вижу, как над нами низко-низко летит ковер-самолет. И вот я уже на ковре-самолете, и конь на прощание машет мне передним копытом. И я машу ему рукой.

А ковер-самолет несет меня и несет, и я вспоминаю ее и ее маму, которая кашляет. Они, наверное, очень волнуются, что меня нет. Мне делается их жалко, я уже хочу домой, а ковер-самолет продолжает меня нести неизвестно куда. Ветер дует со всех сторон, но мне почему-то душно. И страшно, оттого что я не знаю, что будет дальше.

Но уже нет никакого ковра-самолета, я на нашей улице. Но какая-то она не такая. У того деревянного дома крыльцо другое. А вот тут нет никакого дерева и должен быть заборчик. И канава. Навстречу девочка идет — это Алла, я ее знаю, она из двухэтажного дома. Но это никакая не Алла! У нее кривой рот и жуткие глаза. Как у сумасшедшей. Она сумасшедшая! Она идет прямо на меня и как будто не видит.

Ужас. Я хочу закричать, но почему-то не получается.

Она

Ну наконец-то! А то я думала уже к Раечке идти, звонить Пал Семенычу. Что бы я без нее делала? И без ее телефона?

Пришла машина. А он уснул.

Бужу. Он весь мокрый — упала температура. Заливается слезами, говорит про какую-то Аллу, которая не Алла.

«Это тебе, наверное, приснилось», — говорю. И тороплю: «Машина ждет».

Может, его завернуть в одеяло и на руках снести? «Нет, — говорит, — я сам пойду».

Спустились.

Он и в машине говорил про эту Аллу, которая не Алла. «Я, — рассказывает, — иду, а она смотрит, и глаза такие... такие...»

Никак не мог подобрать слова.

Ну я, понятно, стала его отвлекать.

В больнице сказали, что надо было приезжать до трех, а сейчас Светланы Николаевны уже нет, она в министерстве и появится она только завтра. А пока, пожалуйста, мальчик может полежать в карантинном отделении.

За что боролись... Стараясь говорить ровно и убедительно, объясняю, что у мальчика не обязательно скарлатина, что Светлана Николаевна обещала собрать консилиум, и только врачи могут решить, класть ли ребенка к другим больным или нет. Как ни странно, женщина выслушала меня до конца и задумалась. Повторила, что надо было приезжать раньше, подождала моей реакции (я только вздохнула и пожала плечами), после чего сказала, что в больнице имеется изолятор. Маленький, всего на одну кроватьку...

В слове «изолятор» ему тут же почудилось что-то недоброе — поняла по его лицу. Пока молчит, но вот-вот начнет сопротивляться.

«Это даже не изолятор, скорее, подсобное помещение, — тут же продолжила женщина. — Сейчас там никого нет, пойдемте покажу».

Он

Ну вот, взяла за руку и ведет. Они с тетей думают, я не знаю про изолят. А я знаю. Мне Ирка-Пискля рассказала. Она ходит в детский сад, ее отправили в изолят. Там никого нет и скучно. Лекарства дают противные. Ей укол сделали. Не хочу туда! На кровать положат, скажут, чтобы я спал. А я уже устал спать. Бабочка летит. Капустница. У меня дома сачок есть, желтый. Лучше бы эту капустницу сачком поймать, чем идти с ними. Они ведут, а я не хочу!

Пришли куда-то. Там еще одна тетя в белом халате стоит. Та, которая нас ведет, ей говорит, чтобы матрас принесла и белье. Кажется, они нас обманывают. Получается, я на улице буду спать, да? Ничего себе больница! Ей скажут, чтобы ехала обратно домой, а меня тут оставят. Хочу ей объяснить, что это неправильно, так с людьми нельзя обращаться, но она меня не слушает, говорит что-то той, которая нас сюда привела.

А та, другая, уже несет матрас, одеяло, подушку и стопку белья. Достает из кармана ключ и открывает дверь в маленькую комнату. Оказывается, там уже есть кровать с одеялом. Это для меня. А матрас — это для нее. Я буду спать в кровати, а она — на полу. Еще здесь стоит какой-то прибор с проводами. Если его убрать, поместилась бы еще одна кровать, даже взрослая. А так ей придется спать наполовину подо мной. Бедная! Зря нас сюда привезли, лучше бы дома остались, дырочки посчитали. Теперь я уже знаю про одиннадцать и двенадцать.

Наконец обе тети уходят. Теперь мы одни. Она садится рядом со мной на кровать. Кровать скрипит. Тесно. Плохо нам тут! И матрас едва помещается, даже если его затащить глубоко под кровать. И никаких вещей своих нет, даже игрушек. И от одеяла пахнет лекарством. Это все доктор с растрепанным лицом придумал, никак не выучу его имя, который про коня сказал. Я ему теперь совсем не верю, вот ни на столечко, и ты не должна ему верить, никогда! И этой тете, которая нас сюда привела, тоже не верь, потому что они в сговоре с доктором и Аллой, которая на самом деле не Алла, а только притворяется.

Она

Возбужден. И все настаивает, что мы не должны никому верить, потому что нас сюда заманили. И хотят нас тут уморить. Так и говорит — «уморить». Интересно, откуда он взял это слово? Уморить. Как он это себе представляет?

Вспотел. Поедем, поедем домой! Ну, поедем!

Тут я сдалась.

— Хорошо, — говорю. — Поедем. Только нас отсюда никто не выпустит. Поэтому нам придется бежать. Понимаешь?

Он прямо рот открыл от удивления. Ну, я и пошла ему зубы заговаривать.

— Из этой больницы так просто не убежишь. Сейчас еще светло, поэтому нас тут же заметят. Отведут обратно и запрут на ключ. Поэтому придется дожидаться темноты. И в темноте пробираться к выходу. Только не по дорожкам, а сквозь кусты.

— К воротам?

— Нет, не к воротам. Вечером их сторожит милиция. С пистолетами. Я знаю одну дырку в заборе, через нее мы попадем на улицу. Но пробираться придется очень осторожно, тихо-тихо, чтобы ни одна веточка не хрустнула, ни одна птичка не встрепнулась. И чтобы ни один фонарь нас не осветил, понимаешь?

Несу ему всю эту чушь, расписываю, какие нам предстоят опасности, а тем временем разбираюсь с матрасом, как-то он едва помещается даже по диагонали. Да еще эта бормашина, к чему она здесь?

Но его на мякине не очень-то проведешь.

— А зачем, — спрашивает, — ты это все расстилаешь? Мы же убежать будем, а не спать.

Нет, головой под кроватью я не засну. Придется подушку прислонить к двери.

— Как зачем? Они ни в коем случае не должны догадаться о наших планах. Пусть думают, что мы собираемся спать.

Задумался. Согласился.

— И ты должен лежать в кровати. Как будто ты спишь, хорошо? Прямо сейчас ложись. И глаза закрывай, начинай притворяться.

Послушно залезает под одеяло.

— Вот. Умница. А я пока ненадолго выйду.

— Чтобы подготовиться?

— Ну да. Еще раз осмотреться и продумать все так, чтобы комар носа не подточил.

— Какой комар? — сразу напрягся.

Объясняю про комара. Выхожу на свежий воздух. Уже темнеет. Зашла в приемное отделение, поговорила с женщиной, которая устроила нас в изолятор. Сообщила, что у нас все в порядке. Вернулась — а он уже спит.

Умаялся за день.

Закрыла дверь, прислонила к ней подушку. Зажгла свет. Дрыхнет как убитый. Вдруг проснулся.

— Что, бежим?

— Нет еще. (Что бы такое придумать?) Смотри, сколько тут проводов! (А их и правда много, все спутанные, неизвестно, куда какой ведет и откуда). Сначала мы должны разобраться с проводами, а уже потом бежать. Ты понимаешь?

— А-а... — говорит. И снова засыпает.

...Проснулся без температуры. Вид совершенно здоровый. К одиннадцати собрался консилиум из четырех врачей, Пал Семеныч тоже тут как тут, руку мне жмет и подбадривает. Потом попросили подождать в коридоре. Наконец выходят всей группой.

Диагноз: нет скарлатины. Мальчика можно везти домой.

Ловлю машину. Едем!

Дома оставляю его на маму, а сама мчусь звонить Грише, Григорию Моисеевичу, доценту кафедры зарубежной литературы.

Гнала, гнала о нем мысли эти дни. Просто: запретила себе о нем думать. Нельзя раздваиваться. Приходится выбирать одного. Хорошо ли это? Не знаю. И вчера не знала. И позавчера. Не знала. Но и не думала. Выкинула из головы.

Можно позвонить от Раечки. Но лучше из автомата. Мысли можно прогнать. А руки трясутся.

Домашний телефон не отвечает. Понятно, соседи на работе. А он, наверное, в университете. У студентов как раз сессия. Или еще не началась? Поеду в университет. Или подождать вечера, снова позвонить? Нет, поеду. Бедный Гриша, мой низкопоклонник! Я его так назвала, когда он решил мне церемонно поцеловать руку. В шутку, конечно. И я в шутку. Его передернуло: сейчас не время для таких шуток! И правда — совсем не время. Кто-то из студентов уже успел «поднять вопрос».

В университете пусто. Навстречу Сергей Петрович с их кафедры. Мигом напустил рассеянный вид, прошел мимо, словно не узнавая. Хотя они с Гришей не только коллеги, но и друзья. Что-то мне Гриша про него говорил в последнюю встречу... Будто повел он себя не совсем по-товарищески, я не успела вникнуть, мне надо было домой, к скарлатине. Но Гриша определенно нервничал, завтра-послезавтра ему предстояло выступать на совете. А я и не знаю, как все прошло. Сама не звонила, а ему куда было позвонить?

Вечером к телефону подошла соседка, сказала, что его нет дома. Кажется, узнала меня по голосу. Но когда я начала говорить: «Передайте ему, что звонила...», не дослушала и повесила трубку.

Он

...Я всегда ее помню. То есть как это — всегда? А вот так: каждый день, каждую минуту. Даже когда и не вспоминаю. Хотя давно уже взрослый, мягонько говоря.

Многое помнится смутно. Но что-то помнится хорошо, хотя и не все детали поддаются восстановлению.

Например, что это была за больница, откуда мы с ней бежали? Почему? Этого я тоже не могу вспомнить. Но там был большой парк, заросший кустарником. Целые заросли! Кусты колючие, сквозь них надо было продирааться, они царапались. Вот это я как сейчас помню. Вдруг налетели комары с остренькими носами, они бы нас искушали, но у них это не получилось. Наверное, оттого что мы двигались в темноте, подальше от фонарей. Милиционер нас чуть не застучал, одной рукой он схватился за кобуру, а другой подносил свисток к губам, но почему-то не засвистел. Наверное, — я много раз подставлял себя на его место — решил, будто ему померещилось. В общем, прошляпил он нас. А сначала мы чуть не запутались в проводах, их было много, они все норовили нас оплести и щипались током. Без нее я так бы в них и застрял.

В общем, это было настоящее приключение! Которое, слава богу, закончилось благополучно. Сколько раз я хотел ее расспросить обо всем подробнее — и об этой истории, и о многом другом. Но как-то все забывал, отвлекался. А потом стало поздно.

И про Григория Моисеевича так и не расспросил. Знаю только, что из лагеря его отпустили досрочно. Активировали, на языке судебной юриспруденции. Вскоре после смерти вождя. А потом и реабилитировали. Прожил он после этого недолго. Но закончил жизнь на свободе и чуть ли не у нее на руках. Вместе они не жили, но были очень близкими людьми, и она за него хлопотала.

Хлопотала — это ее слово. Вечно она за кого-нибудь хлопотала. Наверняка, как только узнала, что есть шанс его поставить на ноги, взялась за дело.

Вернули ли ему ученое звание, сохранились ли его труды — этого я не знаю. Тоже не успел спросить.

Леонид Бахнов. Критик, прозаик, редактор. Родился в 1948 году в Уфе. До конца 1953-го жил в семье бабушки, затем был перевезен в Москву. Закончил МГПИ им. Ленина, факультет русского языка и литературы. Работал в школе, в редакциях журналов и газет. Печатался в «Знамени», «Октябре», «Новом мире», «Вопросах литературы» и др. изданиях. Без малого 30 лет вел отдел прозы в журнале «Дружба народов».